

ОБЩИЕ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ 'БЕСПОКОЙСТВО, ТРЕВОГА' В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. КОРНАКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы взаимосвязи языка, культуры и мышления, схожести и специфичности номинативных фондов национальных языков, а также факторы, обуславливающие межъязыковые лексико-фразеологические сходства и различия. Применяется предложенная М. С. Гутовской классификация разноязычных номинативных единиц по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления этих признаков. Выявляется доля лексем и фразем в разрядах общих и различительных черт при сопоставлении как всех четырех языков в целом, так и славянских (русского и белорусского) и германских (английского и немецкого) языков в частности. Отмечается, что в объективизации чувств беспокойства, тревоги как во всех четырех языках в целом, так и в германских языках в частности преобладают межъязыковые различия, тогда как в славянских языках превалируют межъязыковые сходства. Интерпретируются межъязыковые различия между лексикой и фразеологией с точки зрения языковых, культурных и когнитивных факторов. Устанавливается ведущая роль когнитивного фактора при формировании межъязыковых сходств и различий во фразеологии и межъязыковых сходств в лексике, а также ключевое значение языкового фактора как детерминанта межъязыковых лексических различий всех четырех языков. Объясняются выявленные при внутригрупповом анализе (славянские языки vs германские языки) закономерности: во фразеологии германских языков преобладают когнитивно детерминированные межъязыковые сходства, тогда как во фразеологии славянских языков превалируют межъязыковые различия, в лексике славянских языков насчитывается большая доля межъязыковых сходств, связанных с языковыми факторами, чем в германских языках.

Ключевые слова: межъязыковое сходство; межъязыковое различие; славянские языки; германские языки; лексико-фразеологическое поле; лексема; фразама.

АГУЛЬНЫЯ І АДРОЗНІВАЛЬНЫЯ РЫСЫ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ ПАЛЁЎ 'НЕСПАКОЙ, ТРЫВОГА' У РУСКАЙ, БЕЛАРУСКАЙ, АНГЛІЙСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОВАХ

В. І. КАРНАКОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні ўзаемазвязі мовы, культуры і мыслення, падабенства і спецыфічнасці намінатыўных фондаў нацыянальных моў, а таксама фактары, якія абумоўліваюць міжмоўныя лексіка-фразеалагічныя падабенствы і адрозненні. Прымяняецца прапанаваная М. С. Гутоўскай класіфікацыя разнамоўных намінатыўных адзінак

Образец цитирования:

Корнакова В.И. Общие и различительные черты лексико-фразеологических полей 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:68–83.

For citation:

Kornakova V.I. Similar and distinctive features of the lexical-phraseological fields 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:68–83. Russian.

Автор:

Виктория Ивановна Корнакова – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент М. С. Гутовская.

Author:

Victoria I. Kornakova, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kornakovaviktoria3@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1007-0259>

па прыкмеце іх міжмоўных падабенстваў ці адрозненняў з улікам моўнага, культурнага і кагнітыўнага фактараў станаўлення гэтых прыкмет. Выяўляецца доля лексем і фразем у разрадах агульных і адрознівальных рыс пры супастаўленні як усіх чатырох моў у цэлым, так і славянскіх (рускай і беларускай) і германскіх (англійскай і нямецкай) моў у прыватнасці. Адзначаецца, што ў аб'ектывізацыі пачуццяў неспакою, трывогі як ва ўсіх чатырох мовах у цэлым, так і ў германскіх мовах у прыватнасці пераважаюць міжмоўныя адрозненні, тады як у славянскіх мовах прэваліруюць міжмоўныя падабенствы. Інтэрпрэтуюцца міжмоўныя адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй з пункту гледжання моўных, культурных і кагнітыўных фактараў. Устанаўліваецца вядучая роля кагнітыўнага фактара пры фарміраванні міжмоўных падабенстваў і адрозненняў у фразеалогіі і міжмоўных падабенстваў у лексіцы, вырашальная роля моўнага фактара як дэтэрмінанта лексічных адрозненняў усіх чатырох моў. Тлумачацца выяўленыя пры ўнутрыгрупавым аналізе (славянскія мовы vs германскія мовы) заканамернасці: у фразеалогіі германскіх моў пераважаюць кагнітыўна дэтэрмінаваныя міжмоўныя падабенствы, тады як у фразеалогіі славянскіх моў прэваліруюць міжмоўныя адрозненні, у лексіцы славянскіх моў налічваецца большая доля міжмоўных падабенстваў, звязаных з моўнымі фактарамі, чым у германскіх мовах.

Ключавыя словы: міжмоўнае падабенства; міжмоўнае адрозненне; славянскія мовы; германскія мовы; лексіка-фразеалагічнае поле; лексема; фразема.

SIMILAR AND DISTINCTIVE FEATURES OF THE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELDS 'ANXIETY' IN THE RUSSIAN, BELARUSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

V. I. KORNAKOVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper considers issues of the interrelationship of language, culture and thinking, the similarities and differences of national languages nominative funds, factors that determine cross-language lexical and phraseological similarities and differences. The classification by M. S. Gutovskaya of nominative units belonging to different languages on the basis of cross-language similarities and differences taking into account linguistic, cultural and cognitive factors is applied. The proportion of lexemes and phrasemes in the categories of similar and distinctive is revealed in both all four languages, and in groups of Slavic (Russian and Belarusian) and Germanic (English and German) languages separately. There is a prevalence of differences in the naming of anxiety both in four languages and in the Germanic languages separately, the prevalence of similarities in the Slavic languages. Differences between lexical and phraseological parts are interpreted in terms of linguistic, cultural and cognitive factors. The leading role of the cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences in phraseology and cross-language similarities in lexics is determined, as well as the decisive role of the linguistic factor in the formation of lexical differences discovered by comparing four languages. The patterns revealed in the intra-group analysis (Slavic languages vs Germanic languages) are explained: the prevalence of cognitively determined phraseological similarities compared to differences of the same type in Slavic languages, a larger percentage of lexical similarities stimulated by linguistic reasons in Slavic languages compared to Germanic.

Keywords: cross-language similarity; cross-language difference; Slavic languages; Germanic languages; lexical-phraseological field; lexeme; phraseme.

Введение

Вопросы взаимосвязи языка, культуры и сознания привлекали внимание мыслителей еще в древние времена [1, с. 338; 2, с. 552]. С расширением международных связей начала осознаваться специфичность каждого языка [3, с. 45; 4, с. 53] и стали изучаться факторы, обуславливающие межъязыковые сходства и различия. По мнению И. Г. Гердера, общие свойства языков объясняются единством законов человеческого мышления [5, с. 252], а их различия – специфичностью жизни народов, говорящих на этих языках [5, с. 297]. Между тем В. фон Гумбольдт видел различия языков не только в формальной стороне лингвистических систем, но и в зафиксированных в них картинах мира [6, с. 349; 7, с. 80]. Мнение о том, что язык представляет собой совокупность черт уникального национального мировидения, разделяли А. А. Потебня [8, с. 259], И. А. Бодуэн де Куртенэ [9, с. 71] и Б. Л. Уорф [10, с. 209]. В свою очередь, Й. Л. Вайсгербер указывал на определяющую роль языка в формировании мировосприятия человека [11, с. 58]. В современной лингвистике вопросу специфичности национальных языковых картин мира посвящены работы Ю. Д. Апресяна [12], О. А. Корнилова [13], Н. И. Жинкина [14], В. А. Гречко [15]

и Е. С. Яковлевой [16]. Как отмечает М. С. Гутовская, языки сочетают в себе универсальные, интернациональные и этноспецифические черты. Существование универсальных (общечеловеческих) черт объясняется общностью мыслительных операций и типовых ассоциаций человечества. Интернациональные (общие для ряда генеалогически, типологически или ареально близких языков) черты обусловлены близостью исторического и духовного развития языковых сообществ одного культурного ареала. Этноспецифические (индивидуальные, присущие отдельному языку) черты отражают структурные особенности конкретного национального языка [17, с. 116].

Сегодня ощущается недостаток эмпирических данных о соотношении интернациональных (встречающихся во всех языках), региональных (характерных для конкретной группы языков) и этноспецифических (уникальных для национального языка) черт в номинативных фондах европейских, славянских и германских языков, а также в их лексических и фразеологических подкорпусах. Малоизученной представляется роль языкового, культурного и когнитивного факторов при формировании межъязыковых и межгрупповых сходств и различий. Решению этих актуальных проблем посвящена данная статья.

Целью работы является изучение межъязыковых сходств и различий лексем и фразем, номинирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках. В задачи исследования входят апробация классификации, построенной М. С. Гутовской с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов возникновения межъязыковых сходств и различий (применима как к лексическим, так и к фразеологическим номинациям), и интерпретация количественных показателей межъязыковых сходств и различий номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках. Подобное исследование проводится впервые, что обуславливает его новизну.

Материалы и методы исследования

Апробируемая классификация включает шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми факторами;
- единицы с культурно обусловленным сходством;
- единицы с когнитивно детерминированным сходством;
- единицы с этноязыковой специфичностью;
- единицы с этнокультурной специфичностью;
- единицы с этнокогнитивной специфичностью [17, с. 117–131].

Номинативные единицы, межъязыковое сходство которых связано с языковыми факторами, а также номинативные единицы с культурно обусловленным и когнитивно детерминированным межъязыковым сходством объединяются по признаку их межъязыковых сходств, а номинативные единицы с этноязыковой, этнокультурной и этнокогнитивной специфичностью – по признаку их межъязыковых различий.

Комплекс исследовательских процедур, примененный для сопоставительного изучения русских, белорусских, английских и немецких номинативных единиц (лексем и фразем) с семантикой ‘беспокойство, тревога’ на предмет их межъязыковых сходств или различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков, включает два этапа. На первом этапе номинативные единицы рассматриваются на предмет соотносимости их формы и содержания. Лексемы и фраземы, отличающиеся по форме и (или) содержанию, интерпретируются как национально-специфические. На втором этапе устанавливаются факторы, обуславливающие межъязыковое сходство или различие исследуемых номинативных единиц.

Совпадение номинативных единиц по звуковому либо графическому составу и наличие у них общего языкового источника являются свидетельством того, что межъязыковое сходство данных единиц связано с языковыми факторами. Например, русская, белорусская, английская и немецкая лексемы: *кризис* ‘1. Резкое изменение, крутой перелом; тяжелое переходное состояние’ (OnlineБТС), *крызіс* ‘1. Рэзкі пералом, пераходны стан, абвастрэнне становішча’ (OnlineV), *crisis* ‘критический или решающий момент, ситуация, особенно трудная или нестабильная, связанная с надвигающимися изменениями’¹ (OnlineFD), *Krise* ‘трудная позиция, критическая ситуация, переломный момент опасного развития событий; время опасности’ (OnlineDW) – происходят от древнегреческого слова *κρίσις* ‘суд, приговор, решение; поворотный пункт’, которое было заимствовано в рассматриваемые языки через латинскую лексему *crisis* (OnlineШЭСРЯ). Номинативные единицы, внутренняя форма которых восходит к общим наднациональным культурно-историческим феноменам (например, к греческому преданию о сиракузском тиране Дионисии, который во время пира посадил на свое место завидовавшего ему Дамокла и повесил над ним на конском волосе меч (OnlineФСРЛЯ)), обладают культурно обусловленным межъязыковым

¹Здесь и далее перевод наш. – В. К.

сходством: рус. *дамоклов меч* ‘о постоянно грозящей опасности’ (ФСРЯ, с. 60), бел. *дамоклаў меч* ‘постоянная небяспека, неадступная пагроза’ (СФБМП, с. 51), англ. *sword of Damocles* ‘постоянная угроза; неминуемая опасность’ (OnlineFD), нем. *das Schwert des Damokles (Damoklesschwert)* ‘четко осознаваемая, существующая опасность, которая в любой момент может привести к разрушениям или чему-либо подобному’ (OnlineDW). Предметно-логическое и ассоциативно-образное изучение сопоставимых по внутренней форме номинативных единиц позволяет выявить общий номинативный замысел и, следовательно, когнитивно детерминированное межъязыковое сходство единиц: рус. *трястись* ‘5. разг. Бояться кого-либо, чего-либо; трепетать’ (OnlineБТС), бел. *трэсіцца* ‘4. Адчуваць страх, боязь’ (ТСБЛМ, с. 666), англ. *tremble* ‘2. Чувствовать страх или беспокойство’ (OnlineFD), нем. *zittern* ‘2. а. Сильно бояться кого-либо, чего-либо’ (OnlineDW).

Аналогичным образом определяются факторы, лежащие в основе специфичности номинативных единиц. Лексемы и фраземы, имеющие отличные формы в сопоставляемых языках, объективируют особенности национального языка и, соответственно, обладают этноязыковой специфичностью: рус. *опасность* ‘2. Угроза бедствия, несчастья, катастрофы’ (OnlineБТС), бел. *небяспека* ‘стан, становішча, якое пагражае каму-небудзь, можа прычыніць няшчасце, зло, шкоду’ (OnlineV), англ. *danger* ‘1. Состояние уязвимости перед чем-либо, что грозит нанести вред’ (OnlineFD), нем. *Gefahr* ‘возможность того, что с кем-то что-то случится, что будет причинен вред; надвигающаяся катастрофа’ (OnlineDW). Специфичность номинативных единиц, связанных с особенностями жизни носителей языка, их национальной культурой, является этнокультурной: рус. *хоть святых (вон) выноси (неси)* ‘о чем-либо ужасном, невыносимом для зрения или слуха’ (ФСРЯ, с. 254), бел. *наварыць (заварыць) піва* ‘распачаць складаную, непрыемную справу’ (СФБМП, с. 89), англ. *wreak (play) havoc* (‘букв. Сеять хаос, играть в хаос’) ‘причинять много неприятностей или путаницы’ (LID, p. 159), нем. *ein Reiter über den Bodensee* (‘букв. Всадник на Боденском озере’) ‘о ком-либо, кто предпринимает что-либо, об опасности, последствиях чего он не знает’ (DRW, S. 607). В основе русского оборота *хоть святых (вон) выноси (неси)* лежит традиция уважительного отношения к иконам, на которых изображались святые (ИЭФС, с. 520). Белорусская фраза *наварыць (заварыць) піва* происходит от свободного словосочетания: в давние времена пиво варилось в складчину, что было непростым делом, и распивалось на праздниках (OnlineЭФС). Некогда английское имя существительное *havoc* использовалось захватчиками в качестве команды, чтобы начать грабить и убивать (OnlineFD). Немецкая фраза *ein Reiter über den Bodensee* восходит к балладе Г. Б. Шваба «Всадник и Боденское озеро», в которой описывается всадник, скачущий по заснеженному тонкому льду Боденского озера в лютой холод. Когда герой узнает о том, какой опасности подверг себя, он падает замертво (OnlineRA). Этнокогнитивная специфичность характерна для номинативных единиц, которые отражают особенности национального мировидения и обладают отличительной внутренней формой: рус. *в растрепанных чувствах* ‘в состоянии сильного волнения, расстройстве, смятения’ (ФСРЯ, с. 238), бел. *як (бы) гарох пры дарозе* ‘1. Ненадзейна, трывожна, з неспакоем (жыць)’ (СФБМП, с. 297), англ. *turn to (feel like) jelly* (‘букв. Превратиться в (чувствовать себя как) желе’) ‘о ком-либо, кто чувствует слабость, потому что нервничает, напуган или устал’ (LID, p. 182), нем. *Gespenster sehen* (‘букв. Видеть призраков’) ‘иметь необоснованный страх, фантазии’ (DRW, S. 273).

В общей сложности исследовано 1108 номинативных единиц различной частеречной принадлежности: 230 единиц русского языка (92 лексемы и 138 фразем), 344 единицы белорусского языка (98 лексем и 246 фразем), 255 единиц английского языка (92 лексемы и 163 фраземы) и 279 единиц немецкого языка (74 лексемы и 205 фразем).

Результаты и их обсуждение

Распределение номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ по признаку их межъязыковых сходств или различий. Выделено шесть групп номинативных единиц русской, белорусской, английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков.

Единицы, сходство которых связано с языковыми факторами. Разноязычные номинативные единицы, сходство которых связано с языковыми факторами, совпадают по семантике и материальной (звуковой и (или) графической) оболочке. К данной группе относятся:

- наименования, восходящие к общим языковым источникам (русская, белорусская, английская и немецкая лексемы: *риск* ‘1. только ед. Возможная опасность чего-либо... 3. мн., фин. Опасность непредвиденной потери ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств из-за случайного изменения условий экономической деятельности, неблагоприятных обстоятельств и т. п.’ (OnlineБТС), *рызыка* ‘1. Магчымая небяспека, пагроза чаму-небудзь’ (ТСБЛМ, с. 569), *risk* ‘1. Возможность причинения вреда

или убытков; опасность' (OnlineFD), *Risiko* 'возможный негативный исход дела, связанный с убытками, потерями, ущербом' (OnlineDW) – происходят от греческого слова *risikon* 'утес' (OnlineШЭСРЯ));

• их дериваты (рус. *рисковать* '1. Подвергать себя опасности, идти на риск. 2. Подвергать что-либо опасности ради кого-либо, чего-либо. 3. Создавать для себя возможную опасность чего-либо (своими действиями, поступками)' (OnlineБТС), бел. *рызыкаваць* '1. Ісці на рызыку, рабіць рызыкаўны ўчынак. 2. Падвяргаць каго-небудзь, што-небудзь рызыцы. 3. Ісці на ўчынак, звязаны з магчымымі непрыемнасцямі' (ТСБЛМ, с. 569), англ. *risk* '1. Подвергать риску утраты или повреждения. 2. Взять на себя риск' (OnlineFD), нем. *riskieren* '1. b. Создавать опасность своим поведением или действиями. 2. Подвергать что-либо своим поведением или действиями невыгоде, риску потери; подвергать риску' (OnlineDW)).

Фразеологические межъязыковые сходства, связанные с языковыми факторами, более характерны для близкородственных языков. В этом контексте стоит отметить ряд заимствований из русского языка в белорусский: рус. *днем с огнем* 'с величайшим трудом можно найти (отыскать и т. п.) кого-либо или что-либо' (OnlineФСРЛЯ), бел. *днём з агнём не знойдзеш (не знайсці, шукаць, пашукаць)* '2. З вялікімі цяжкасцямі, прыкладаючы значныя намаганні (шукаць, пашукаць каго-небудзь, што-небудзь)' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 383); рус. *наступать на грабли* 'повторять свои ошибки' (OnlineWR), бел. *наступаць на граблі* 'рабіць непрадуманы крок з магчымымі непрыемнымі наступствамі для таго, хто гэта робіць' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 120); рус. *подводит (подвести) под монастырь* 'ставит кого-либо в тяжелое, безвыходное положение; навлекать на кого-либо беду, неприятности' (OnlineФСРЛЯ), бел. *падводзіць пад манастыр* 'хітрасцю, падманам ставіць каго-небудзь у цяжкае, непрыемнае становішча' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 181); рус. *поедом ест* '2. Непрестанно бранить, мучить попреками. 3. Непрестанно мучить, терзать, доставлять беспокойство' (ФСРЯ, с. 203), бел. *есці поедам* 'бесперастанку папракаць, дакараць, зневажаць' (СФБМІ, с. 416). Приведенные примеры построены на основе приема тавтологического повтора, свойственного русскому и белорусскому языкам.

Единицы с культурно обусловленным сходством. Межъязыковое сходство номинативных единиц данной группы объясняется ареально-культурными факторами. С точки зрения образности русские, белорусские, английские и немецкие наименования, обладающие культурно обусловленным сходством, восходят к общему культурному наследию:

• античной традиции (рус. *разрубить (рассечь* и т. п.) *гордиев узел* 'разрешить какие-либо затруднения быстро, смело и решительно' (ИЭФС, с. 583; OnlineБТС), бел. *секчы (сячы) гордзіеў вузел* 'смела і рашуча вырашаць якія-небудзь цяжкасці, супярэчнасці' (СФБМІ, с. 533), англ. *cut the Gordian knot* 'решать проблему смело и решительно' (OnlineFD), нем. *den gordischen Knoten durchschlagen (zerschlagen, durchtrennen, lösen, durchhauen)* 'решить проблему одним махом; найти удивительно простое решение проблемы' (OnlineRA); рус. *осиное гнездо* 'общество злобных людей, тревожить которых небезопасно; опасная ситуация' (ИЭФС, с. 116), бел. *асінае гняздо* 'прыстанішча, зборышча небяспечных, шкодных людзей' (СФБМІ, с. 315), англ. *hornet's nest* 'большое количество неприятностей или враждебности' (OnlineFD), нем. *in ein Wespennest stechen (greifen) (sich in ein Wespennest setzen)* 'вызывать беспорядки; говорить о чем-то чувствительном и, возможно, причинять себе вред в процессе; нажить себе много врагов; подвергаться жесткой критике' (OnlineRA));

• библейским сюжетам (рус. *крест* '6. Испытания, страдания, выпавшие на чью-либо долю' (OnlineБТС), бел. *крыж* '6. Пра цяжкі лёс, які выпаў на чыю-небудзь долю' (ТСБЛМ, с. 303), англ. *cross* '4. Испытание, страдание или разочарование' (OnlineFD), нем. *Kreuz* '5. Печаль, тяжелое бремя, которое приходится нести' (OnlineDW); рус. *отрясти (отряхнуть) прах от своих ног* 'книжн. Окончательно порвать отношения с кем-либо; окончательно забыть о трудной ситуации' (ИЭФС, с. 471; OnlineБТС), бел. *абтрэсці прах з (ад) ног (сваіх, нашых)* 'кніжн. Канчаткова, назаўсёды парваць з кім-небудзь, чым-небудзь; адрачыся ад каго-небудзь, чаго-небудзь' (СФБМІ, с. 47), англ. *shake the dust (of something) from your feet* 'уйти или забыть о сложной ситуации, особенно о той, которая долгое время доставляла неприятности' (LID, p. 97), нем. *den Staub von den Füßen schütteln* 'оставить позади зависть, старую ненависть и горечь' (OnlineRA));

• европейским легендам (рус. *колумбово яйцо* 'неожиданный, смелый выход из затруднительного положения или неординарное, остроумное решение сложной задачи' (ИЭФС, с. 651; OnlineФСРЛЯ), бел. *калумбава яйка (яйцо)* 'удалае рашэнне чаго-небудзь, знойдзены выхад з цяжкага становішча' (СФБМІ, с. 953), англ. *egg of Columbus (Columbus' egg)* 'блестящая идея или открытие, которое кажется простым и легким' (OnlineFD), нем. *das Ei des Kolumbus* 'удивительно простое решение' (OnlineRA)).

Единицы с когнитивно детерминированным сходством. Существование когнитивно детерминированных межъязыковых сходств объясняется общностью законов функционирования человеческой психики. Номинативные единицы, входящие в данную группу, являются мотивированными наименованиями. Формально-семантическая схожесть разноязычных лексем и фразем может быть обусловлена следующими причинами:

• общностью логических схем переосмысления явлений окружающего мира (рус. *беспокойство* '1. Беспокойное состояние; тревога, волнение' (OnlineБТС), бел. *неспакой* '1. Тривога, душэўнае ўзбуджэнне'

(ТСБЛМ, с. 390), англ. *unrest* '1. Тревожное или беспокойное состояние; беспокойство или недовольство' (OnlineFD), нем. *Unruhe* '1. Состояние беспокойства, отсутствия покоя' (OnlineDW) (значение 'волнение, тревожное состояние, т. е. отсутствие покоя' формально выражается с помощью отрицательных приставок *bес-, не-, un-* и *Un-* в русском, белорусском, английском и немецком языках соответственно));

- сходством моделей переосмысления объектов действительности, возникающих за счет параллельного развития единиц с одинаковой образностью в разных языках (рус. *играть (шутить) с огнем* 'делать то, что может повлечь за собой неприятные, опасные последствия' (ФСРЯ, с. 179), бел. *гуляць (жартаваць) з агнём* 'дзейнічаць неасцярожна, не лічачыся з небяспекай' (СФБМІ, с. 335), англ. *be playing with fire* 'идти на ненужный риск в заведомо опасной ситуации' (LID, p. 121), нем. *mit dem Feuer spielen* 'опротметчиво предпринимать опасные действия' (DRW, S. 214); рус. *ломать руки (пальцы)* 'волноваться, горевать (сопровождая это соответствующими жестами)' (ФСРЯ, с. 137), бел. *ламаць (сабе, свае) рукі* 'даходзіць да адчаю, узрушэння (ад вялікага гора)' (СФБМІ, с. 634), англ. *wring your hands* 'показывать или говорить о своей расстроенности, обеспокоенности, особенно ничего не предпринимая по этому поводу' (LID, p. 154), нем. *die Hände ringen* 'горевать; беспокоиться; быть потрясенным, встревоженным' (OnlineRA); рус. *как рыба без воды* 'о чьих-то страданиях, испытаниях, беспомощности' (OnlineПРН), бел. *мучыцца як рыба без вады* 'пра пакуты, выпрабаванні каго-небудзь' (OnlineСБНП), англ. *be (feel) like a fish out of water* 'смущаться, нервничать, чувствовать неудобство в незнакомой, непривычной обстановке' (LID, p. 122), нем. *wie ein Fisch auf dem Trocken sein* ('букв. Как рыба на суше') 'быть беспомощным' (OnlineRA));

- калькой (рус. *буря в стакане воды* 'о сильном возбуждении, горячем споре и т. п. из-за пустяков, по ничтожному поводу' (ФСРЯ, с. 23), бел. *бура ў шклянцы вады* 'моцнае хваляванне, шум, спрэчка з-за дробязных прычын' (СФБМІ, с. 155), англ. *a tempest in a teacup* 'непропорциональная реакция гнева, беспокойства или неудовольствия по какому-то незначительному или тривиальному поводу' (OnlineFD), нем. *ein Sturm im Wasserglas* 'большое волнение по пустяковому поводу' (DRW, S. 730) (калька с французской фраземы *une tempête dans un verre d'eau*, восходящей к древнеримской поговорке *excitare fluctus in simpulo* (ИЭФС, с. 62)); рус. *свет в конце туннеля* 'о проблеске надежды на успешное завершение какого-либо трудного дела' (OnlineЭСКСБ), бел. *святло ў канцы тунэля* 'выйсце з цяжкага, змрочнага становішча' (СФБМІІ, с. 529), нем. *Licht am Ende des Tunnels sehen* 'видеть признаки улучшения в сложной ситуации; смотреть в будущее с оптимизмом в трудные времена; обрести надежду' (OnlineRA) (калька с английской фразы *to see the light at the end of the tunnel*, которую произнес президент США Дж. Ф. Кеннеди на пресс-конференции в 1962 г. (OnlineЭСКСБ))).

Единицы с этноязыковой специфичностью. Специфичность номинативных единиц с этноязыковыми особенностями связана с фоносемантическими и структурными характеристиками сопоставляемых языков. В данную группу входят лексемы и фраземы русского, белорусского, английского и немецкого языков, формы которых отличаются друг от друга. Выделяются следующие номинации:

- исконные синхронно немотивированные наименования и их производные (рус. *испуг* 'внезапное чувство страха, состояние испугавшегося' (OnlineБТС), бел. *спалох* 'раптоўнае адчуванне страху, стан перапалоху' (ТСБЛМ, с. 615), англ. *fright* '1. Внезапный сильный страх, как будто перед чем-то угрожающим' (OnlineFD), нем. *Schreck* 'сильный эмоциональный шок, который обычно вызывается внезапным осознанием [предполагаемой] опасности или угрозы' (OnlineDW); рус. *забота* '1. Беспокойная мысль о чем-либо; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-либо, на удовлетворении какой-либо потребности' (OnlineБТС), бел. *клопат* '1. Неспакойная думка пра што-небудзь або дзейнасць па ажыццяўленні чаго-небудзь' (ТСБЛМ, с. 294), англ. *care* '1. а. Обеспокоенность или беспокойное состояние ума, возникающее из-за серьезной ответственности; волнение' (OnlineFD), нем. *Sorge* '1. Мучительные мысли (вызванные неприятной, трудной, опасной ситуацией), гнетущее чувство беспокойства и страха' (OnlineDW), а также бел. *паскакаць дроздзіка* '1. Памучыцца ў цяжкіх умовах. 2. Мець непрыемнасці ад каго-небудзь, адчуць на сабе чыю-небудзь уладу' (СФБМІІ, с. 259), *браць у іх* 'трывожыцца, непакоіцца' (СФБМІ, с. 149), англ. *cook somebody's goose* ('букв. Приготовить чье-то гуся') 'доставить кому-либо неприятности или помешать им добиться успеха в том, что они пытаются сделать' (LID, p. 141), нем. *Panhas am Schwenkmast* ('букв. Панхас на поворотной мачте') 'объявление о том, что должно произойти что-то неприятное' (DRW, S. 554));

- единицы с осложненной языковыми факторами формой (английская фразема *cruising for a bruising* ('букв. Крейсировать за синяками') '*сленг.* О ком-то настолько раздражающем или глупом, кто скорее всего попадет из-за этого в беду, драку, спор и т. д.' построена на рифме, а немецкая номинативная единица *sich drehen und winden* ('букв. Крутиться и изворачиваться') 'пытаться выйти из неудобной, неловкой ситуации' (DRW, S. 167) базируется на синонимии).

Единицы с этнокультурной специфичностью. В основе образности этно-культурно-специфичных номинативных единиц лежат отсылки к следующим явлениям:

- традиционной культуре (фольклору, мифам, верованиям);
- быту народа;

- истории народа;
- своеобразие природно-географических условий;
- национальной литературе.

В основе русской и английской фразем: *не к ночи будь сказано что (помянут кто)* ‘о ком-либо, чем-либо страшном, крайне неприятном’ (ФСРЯ, с. 174) и *have kittens* (‘букв. Иметь котят’) ‘быть очень обеспокоенным или расстроенным из-за чего-либо’ (LID, р. 188) – лежат отсылки к традиционной культуре. Согласно древним славянским суевериям зверь, злой дух или черт появится, стоит произнести его имя (ИЭФС, с. 409). Между тем в соответствии со средневековым поверьем, если у беременной женщины болит живот, в ее чреве царапаются котята (OnlineFD).

Русская и немецкая фраземы: *навязаться на голову (шею)* ‘обременить собой кого-либо, оказаться для кого-либо обузой’ (ФСРЯ, с. 159) и *seine Haut zu Markte tragen* (‘букв. Относить шкуру на рынок’) ‘1. Сделать что-либо и тем самым подвергнуть себя опасности’ (DRW, S. 331) – связаны с бытом европейских народов. Так, некогда шкурами животных оплачивались правонарушения (OnlineRA), а для утопления животных на их шею привязывался камень (ИЭФС, с. 637).

В свою очередь, английская фразема *a basket case* (‘букв. Случай корзины’) ‘1. Человек, который слишком нервничает, беспокоится, чтобы справиться с простой ситуацией’ (LID, р. 18) возникла во времена Первой мировой войны, когда так называли потерявших в бою все конечности солдат, для перемещения которых требовались носилки (*basket*) (OnlineFD). Немецкая номинативная единица *be in Dutch with somebody* (‘букв. Быть на голландском с кем-либо’) ‘быть в неприязненных отношениях с кем-либо’ (LID, р. 97) восходит к войнам с голландцами за морские торговые пути (OnlineOED). Этимология немецкой фраземы *im Dreieck (Viereck) springen* (‘букв. Прыгать по треугольнику (квадрату)’) ‘быть вне себя от радости (гнева, волнения)’ (DRW, S. 168) связана с построенной в 1840 г. тюрьмой в Берлине, где были очень маленькие треугольные внутренние дворы (OnlineRA).

Примером этно-культурно-специфичных номинативных единиц, в основе которых лежит своеобразие природно-географических условий, является немецкая фразема *einen Föhn kriegen* (‘букв. Быть подхваченным потоком воздуха’) ‘расстроиться, ужаснуться, смутиться, быть вне себя’ (DRW, S. 228), которая имеет отношение к мнению о том, что плохая погода в Альпах может ухудшить состояние здоровья (OnlineRA).

Наконец, английская фразема *a catch (situation) 22* (‘букв. Ловушка (ситуация) 22’) ‘ситуация, в которой любой сделанный выбор приводит к неудаче или неприятностям’ (LID, р. 55) восходит к роману Дж. Хеллера «Уловка-22», в котором главный герой притворяется сумасшедшим, чтобы избежать опасных ситуаций на войне, однако представители власти утверждают, что он не может сойти с ума, если беспокоится о собственной безопасности (OnlineFD).

Единицы с этнокогнитивной специфичностью. Этнокогнитивной специфичностью обладают номинативные единицы, фиксирующие особенности переосмысления феноменов окружающего мира носителями различных языков. Выделяются следующие номинации:

- единицы, отражающие своеобразие номинативного замысла;
- единицы, демонстрирующие особенности языковой концептуализации;
- единицы, объективирующие различия в ассоциативно-образной базе сопоставляемых языков.

В основе наименований, отражающих своеобразие номинативного замысла, лежит образность, не представленная в сопоставляемых языках (при этом сами понятия зафиксированы носителями языков). В эту группу входят призывы о помощи в случае опасности (рус. *караул!* ‘разг. Призыв на помощь в случае опасности’ (OnlineБТС), бел. *гвалт!* ‘разм. Кліч аб ратунку ў выпадку небяспекі’ (OnlineV)), которые осмысливаются как случаи уже совершенных преступлений, обращения к вооруженной охране, страже для констатации факта применения физической силы по отношению к кому-либо (типа англ. *help!* (‘букв. Помогите!’) ‘межд. Восклицание, чтобы позвать на помощь или привлечь внимание’ (OnlineFD), нем. *Hilfe!* ‘караул! (на помощь!)’ (OnlineL)), а также угрозы срыва сроков, что приравнивается к физическому уничтожению (метафора пожара в русском и белорусском языках (рус. *гореть* ‘11. разг. Быть под угрозой срыва, провала и т. п. из-за опоздания, упущения сроков’ (OnlineБТС), бел. *гарэць* ‘12. перан. Быць пад пагрозай зрыву па прычыне спазнення, упушчэння тэрмінаў’ (ТСБЛМ, с. 146)) и метафора смерти в английском и немецком языках (англ. *deadline* (‘букв. Линия, за которой смерть’) ‘время, к которому что-то должно быть закончено, представлено и т. д.’ (OnlineFD), нем. *Deadline* ‘2. Крайний срок’ (OnlineDW))). Уникальность образности исследованных языков демонстрируют следующие единицы: рус. *солоно прийтись (достаться)* ‘о выпавших на долю кого-либо тяжелых жизненных обстоятельствах, неприятностях, обидах и т. п.’ (ФСРЯ, с. 269), бел. *пераядаць косці (костачкі)* ‘страшэнна хваляваць, даводзіць да адчаю каго-небудзь, дакучаючы чым-небудзь непрыемным; станавіцца невыносным для каго-небудзь’ (СФБМП, с. 293), англ. *be sweating bullets* (‘букв. Потеть пулями’) ‘быть очень обеспокоенным или напуганным чем-то, что происходит сейчас или может произойти очень скоро’ (LID, р. 46), нем. *auf neunundneunzig*

sein ('букв. Быть на девяносто девять, т. е. за один градус до температуры кипения воды') 'быть крайне взволнованным, рассерженным' (DRW, S. 535).

Номинативные единицы, демонстрирующие особенности языковой концептуализации, номинируют явления действительности, зафиксированные лишь в одном языке (в сопоставляемых языках в этом случае имеются лакуны). На фоне русского, белорусского и немецкого языков когнитивно безэквивалентным является английский оборот *call off the dogs* ('букв. Отозвать собак') 'сказать кому-то, чтобы он прекратил критиковать, нападать или создавать проблемы кому-то другому, особенно в судебном деле' (LID, p. 90). При сопоставлении с русским, белорусским и английским языками не были выявлены когнитивные параллели у немецкой фраземы *Schreck in der Abendstunde* ('букв. Испуг в вечерний час') 'неприятный сюрприз вечером' (DRW, S. 666).

Фраземы, объективирующие различия в ассоциативно-образной базе сопоставляемых языков, представляют собой наименования, в основе которых лежит один и тот же образ, по-разному переосмысленный носителями языков. Например, в белорусском языке образ нетугого гаечно-винтового крепления связан как со страхом, так и со слабостью, неспособностью что-либо сделать (*аслаблі гайкі* '1. Кто-нибудь вельмі спалохаўся. 2. У каго-небудзь не хапае сіл, здольнасцей і пад. зрабіць што-небудзь' (СФБМІ, с. 279)), в русском языке – только с беспомощностью, бессилием (*гайка слаба* 'не хватает сил, способностей и т. п., чтобы сделать что-либо' (OnlineФСРЛЯ)), а в английском языке – с глупостью и сумасшествием (*have a screw loose* ('букв. Иметь слабый винт') 'быть или казаться особенно глупым, эксцентричным, сумасшедшим или психически неуравновешенным' (OnlineFD)). Семантическая доминанта английской фраземы *stew in one's (own) juice(s)* ('букв. Тушиться в собственном соку') 'размышлять о таких неприятных эмоциях, как вина, гнев или тревога, в изоляции' (OnlineFD) отличается от ядерных значений межъязыковых омонимов (рус. *вариться в собственном соку* 'жить и работать вне связи с общественной жизнью, изолированно от нее' (OnlineФСРЛЯ), бел. *варыцца ў сваім (уласным) саку* 'працаваць, не падтрымліваючы сувязі з тымі, хто займаецца падобнай работай, не выкарыстоўваць іх вопыт' (OnlineV), нем. *im eigenen Saft schmoren* 'быть самому по себе; не контактировать с другими людьми' (OnlineRA)).

Сосуществование в единице нескольких видов этномаркированности. В номинативных единицах могут сочетаться языковой, культурный и когнитивный факторы, определяющие их межъязыковые сходства или различия. Например, русская, белорусская и английская фраземы: *на свою голову* 'во вред, в ущерб себе' (OnlineФСРЛЯ), *на сваю галаву (шыю)* 'сабе на шкоду, на турботы (рабіць што-небудзь)' (СФБМІ, с. 289), *on your (own) head be it* 'используется для того, чтобы сказать кому-то, что он должен нести ответственность за то, что он решил сделать, но это глупо и вызовет у человека проблемы' (LID, p. 161) – являются результатом калькирования с греческого и латинского языков (когнитивно детерминированное сходство) и в то же время восходят к Библии (культурная маркированность) (ИЭФС, с. 116). Русский и белорусский обороты: *огород городить* 'затевать какое-либо хлопотливое и безуспешное дело' (ФСРЯ, с. 55), *агарод (гарод) гарадзіць* 'задумваць ці распачынаць якую-небудзь клопатлівую справу' (СФБМІ, с. 295) – строятся на основе идентичного тавтологического приема (сходство, связанное с языковыми факторами) и обладают общей моделью переосмысления (когнитивный фактор). Помимо яркой образности, русская, белорусская, английская и немецкая фраземы: *играть (шутить) с огнем* (ФСРЯ, с. 179), *гуляць (жартаваць) з агнём* (СФБМІ, с. 335), *be playing with fire* (LID, p. 121), *mit dem Feuer spielen* (DRW, S. 214) – имеют культурную детерминированность: огонь и вода издавна считались атрибутами гаданий и наделялись силой предсказания (ИЭФС, с. 415). Обладающая этноязыковой маркированностью (синонимический повтор) немецкая фразема *Kopf und Krage riskieren (wagen, aufs Spiel setzen, verlieren)* ('букв. Рискнуть головой и воротником (поставить на кон, потерять голову и воротник)') 'поставить под угрозу жизнь, существование' (DRW, S. 423) построена на основе синекдохи (когнитивная детерминированность). Специфичная в этноязыковом плане немецкая номинативная единица *Panhas am Schwenkmast* (DRW, S. 554) также является культурно-маркированной (панхас – вестфальское блюдо из колбасного бульона, мясного фарша и гречневой муки, сваренное до плотной массы и обжаренное ломтиками (OnlineDW)).

Соотношение общих и различительных черт семантических полей 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. В семантических полях 'беспокойство, тревога' русского, белорусского, английского и немецкого языков присутствуют как межъязыковые сходства, так и межъязыковые различия. Межъязыковые параллели наблюдаются в случаях тождественности звуковой и (или) графической оболочки и значения разноязычных номинативных единиц, а межъязыковые различия – в случаях специфичности формы и содержания лексем и фразем. С учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления признака межъязыковых сходств или различий номинативных единиц в русском, белорусском, английском и немецком семантических полях 'беспокойство, тревога' выделены шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми факторами;
- единицы с культурно обусловленным сходством;

- единицы с когнитивно детерминированным сходством;
- единицы с этноязыковой специфичностью;
- единицы с этнокультурной специфичностью;
- единицы с этнокогнитивной специфичностью.

Данные о распределении номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков в целом и славянских (русского и белорусского) и германских (английского и немецкого) языков в частности, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков представлены в табл. 1–3.

Таблица 1

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ русского, белорусского, английского и немецкого языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 1

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of Russian, Belarusian, English, and German languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	9	1
Культурно обусловленное сходство	24	2
Когнитивно детерминированное сходство	386	35
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	127	11
Этнокультурная специфичность	74	7
Этнокогнитивная специфичность	488	44

Таблица 2

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ русского и белорусского языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 2

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of Russian and Belarusian languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	41	7
Культурно обусловленное сходство	34	6
Когнитивно детерминированное сходство	403	70

Окончание табл. 2
Ending table 2

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	31	5
Этнокультурная специфичность	7	1
Этнокогнитивная специфичность	58	11

Таблица 3

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ английского и немецкого языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 3

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of English and German languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

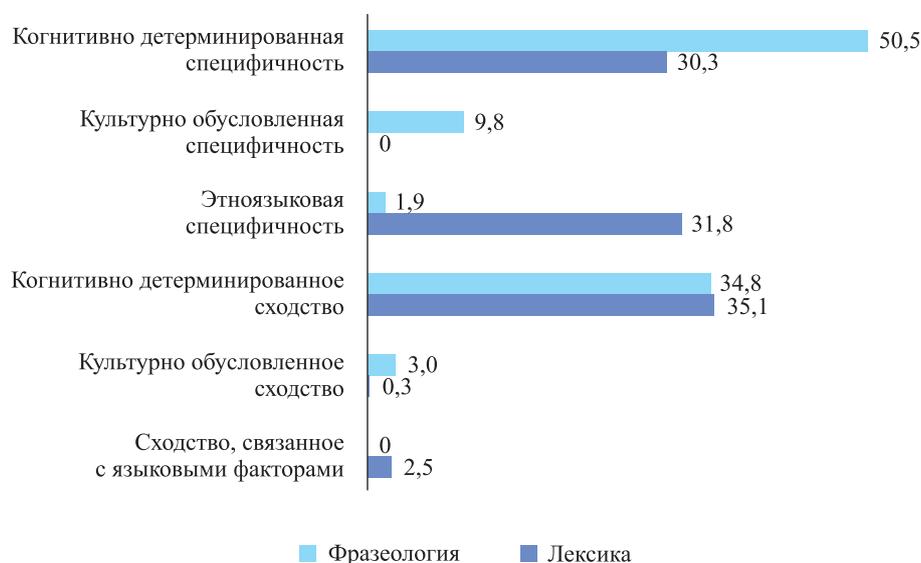
Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	8	1
Культурно обусловленное сходство	16	3
Когнитивно детерминированное сходство	213	40
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	59	11
Этнокультурная специфичность	41	8
Этнокогнитивная специфичность	197	37

В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков общие и различительные черты находятся в соотношении 1 : 1,6, в семантических полях русского и белорусского языков – в соотношении 4,8 : 1, а в семантических полях английского и немецкого языков – в соотношении 1 : 1,3. По сравнению со степенью схожести семантических полей всех четырех языков в целом и германских языков в частности бóльшая схожесть семантических полей славянских языков объясняется географическим соседством России и Беларуси, единой историей народов, близкой родственностью русского и белорусского языков.

Сравнительная значимость языкового, культурного и когнитивного факторов при становлении межъязыковых сходств или различий разноязычных номинативных единиц является неодинаковой. Как при сопоставлении семантических полей ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков в целом, так и при сравнении семантических полей славянских и германских языков в частности было установлено, что когнитивный фактор оказывает преобладающее влияние на формирование межъязыковых сходств или различий разноязычных номинативных единиц. Это объясняется, с одной стороны, межнациональными контактами, которые приводят к заимствованиям, а с другой стороны, тем, что в каждом языке отражается самобытность мировидения народа. При формировании общих и различительных черт исследуемых семантических полей языковой фактор является вторым по значимости. Культурная детерминанта преобладает у сравнительно небольшого количества номинативных единиц, номинирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках.

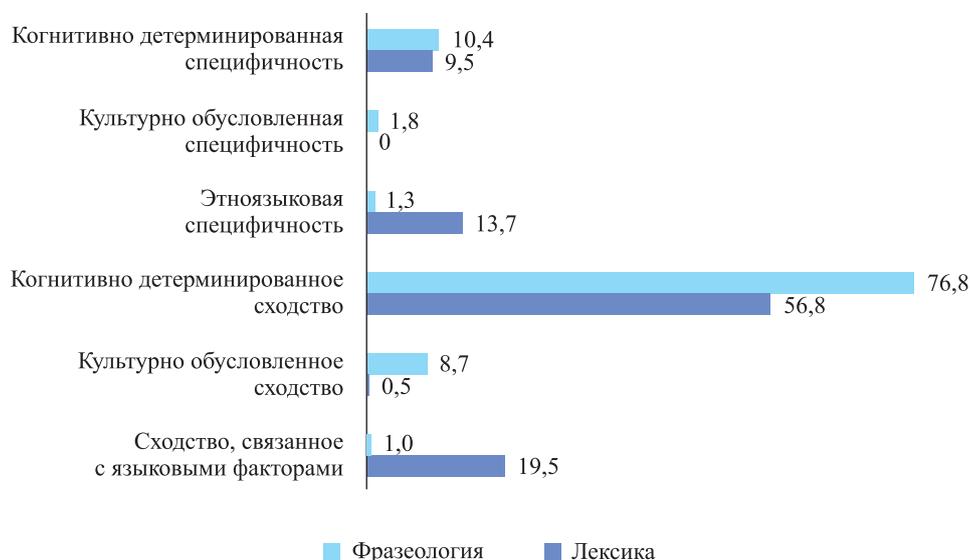
Лексический и фразеологический подкорпусы русского, белорусского, английского и немецкого языков отличаются друг от друга тем, в какой пропорции в них представлены межъязыковые сходства и различия разноязычных номинативных единиц. В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков удельный вес общих и различительных черт в лексике и фразеологии является разным.

Данные о соотношении общих и различительных черт в лексических и фразеологических подкорпусах русского, белорусского, английского и немецкого языков с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов представлены на рис. 1–3.

Рис. 1. Соотношение общих и различительных черт русской, белорусской, английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %

Fig. 1. Correlation between similar and distinctive features of Russian, Belarusian, English, and German vocabulary and phraseology with the semantics ‘anxiety’ taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

Рис. 2. Соотношение общих и различительных черт русской и белорусской лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %

Fig. 2. Correlation between similar and distinctive features of Russian and Belarusian vocabulary and phraseology with the semantics ‘anxiety’ taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

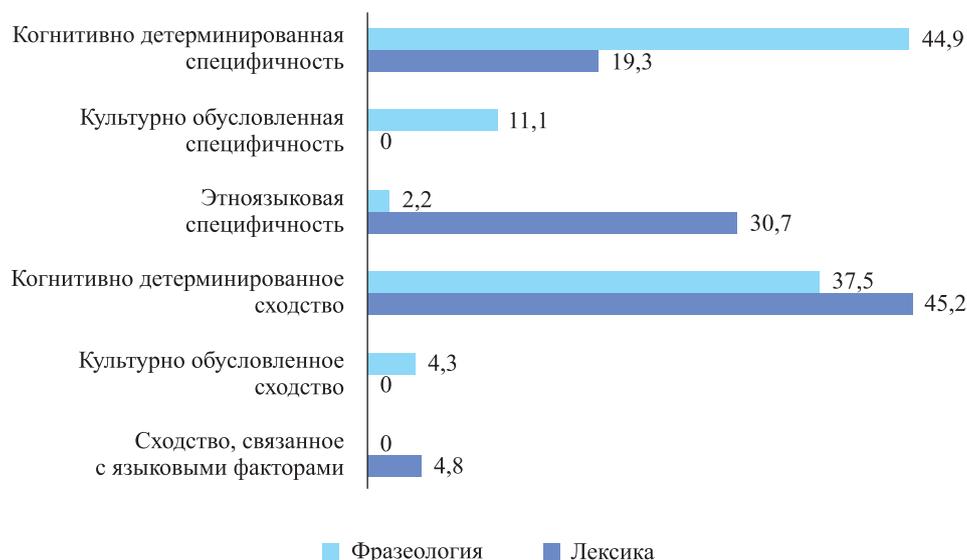

Рис. 3. Соотношение общих и различительных черт английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой 'беспокойство, тревога' с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %
Fig. 3. Correlation between similar and distinctive features of English and German vocabulary and phraseology with the semantics 'anxiety' taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

В лексических подкорпусах, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, русского, белорусского, английского и немецкого языков преобладают межъязыковые различия (62,1 %), в лексических подкорпусах германских языков количество межъязыковых сходств и различий совпадает, а в лексических подкорпусах славянских языков превалируют межъязыковые сходства (76,8 %). Во фразеологических подкорпусах с семантикой 'беспокойство, тревога' как всех четырех языков в целом, так и германских языков в частности преобладают межъязыковые различия (62,2 и 58,2 % соответственно), а во фразеологических подкорпусах славянских языков – межъязыковые сходства (86,5 %). Полученные данные о том, что доля межъязыковых сходств во фразеологических подкорпусах всех четырех языков в целом и германских и славянских языков в частности составляет 37,8; 41,8 и 86,5 % соответственно, подтверждают несостоятельность идеи об абсолютной национальной окрашенности фразеологического фонда.

Удельный вес межъязыковых сходств русской, белорусской, английской и немецкой фразеологии с семантикой 'беспокойство, тревога' является более высоким, чем доля межъязыковых сходств во фразеологических подсистемах этих языков (исследование Э. М. Солодухо показало, что во фразеологических подкорпусах русского, болгарского, английского и немецкого языков межъязыковые сходства наблюдаются в 35 % наиболее употребительных оборотов [18, с. 267]). Повышенный удельный вес межъязыковых сходств во фразеологических подкорпусах, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, объясняется наличием в них значительного количества калек и полукалек, восходящих как к современным, так и к древним языкам: рус. *между молотом и наковальней* 'о сложной ситуации, когда опасность грозит с двух сторон' (OnlineФСРЛЯ), бел. *між (наміж) молатам і кавадлам* '1. У цяжкім становішчы, калі небяспека пагражае з двух бакоў (быць, трапіць, апынуцца і пад.). 2. Цяжкае, небяспечнае з абодвух бакоў (становішча)' (СФБМП, с. 62), англ. *between the hammer and the anvil* 'столкновение с двумя одинаково неприятными, опасными или рискованными альтернативами, избегание одной из которых гарантирует столкновение с другой' (OnlineFD) (калька с немецкой фраземы *zwischen Hammer und Amboß sein*, которая восходит к названию романа Ф. Шпильгагена (ИЭФС, с. 385; OnlineЭФС)); рус. *тронуть (задеть) чувствительную (больную, деликатную) струну* 'коснуться вопроса, особенно трогающего или болезненно задевающего кого-либо' (ФСРЯ, с. 281), бел. *слабая струнка (струна)* 'найбольш чуллiвая, уразлiвая рыса, асаблiвасць характару, на якiя лёгка ўздзейнiчаць' (OnlineV), англ. *strike a chord* ('букв. Ударить по струне') 'вызывать сильную эмоциональную реакцию на что-либо; быть очень острым' (OnlineFD), нем. *in (bei) jemandem eine Saite zum Klingen bringen* ('букв. Заставить чью-либо струну звучать') 'вызвать у кого-либо чувство, эмоцию' (OnlineRA) (калька с французской фраземы *toucher la corde sensible* (ИЭФС, с. 556)); рус. *ни жив ни мертв* 'о состоянии оцепенения (от страха, испуга и т. п.)' (OnlineБТС), бел. *ні жывы ні мёртвы* 'страшэнна спалоханы, знямелы' (СФБМП, с. 425) (кальки с латинской фраземы *neque vivos neque mortuos* (ИЭФС, с. 185)).

Языковые, культурные и когнитивные факторы формирования межъязыковых сходств или различий номинативных фондов, объективирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках, имеют разный статус в лексике и фразеологии.

Когнитивный фактор играет главную роль в становлении общих и различительных черт во фразеологии и общих черт в лексике всех четырех языков. Меньшее влияние когнитивного фактора на формирование межъязыковых сходств и различий в лексике, чем на становление межъязыковых сходств во фразеологии, связано с более низким удельным весом покомпонентно и образно мотивированных номинативных единиц в лексическом подкорпусе по сравнению с фразеологическим подкорпусом. При сопоставительном изучении всех четырех языков было выявлено, что под воздействием когнитивного фактора формируется примерно одинаковое количество межъязыковых сходств и различий (по $\frac{1}{3}$ подкорпуса) в лексике и в 2 раза больше межъязыковых различий ($\frac{1}{2}$ подкорпуса), чем межъязыковых сходств ($\frac{1}{3}$ подкорпуса), во фразеологии. Однако внутригрупповой сравнительный анализ славянских и германских языков показал следующие отличительные закономерности. Во фразеологических подкорпусах русского и белорусского языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 7,5 раза больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий, а во фразеологических подкорпусах английского и немецкого языков – в 1,2 раза меньше. Большой удельный вес когнитивно детерминированных межъязыковых сходств, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий, в русской и белорусской фразеологии объясняется тесными межъязыковыми контактами, приводящими к переносам фразем в виде калек и полукалек из одного языка в другой, а также сходством когнитивных моделей переосмысления объектов и явлений окружающей действительности, возникшим в результате общности истории народов – носителей русского и белорусского языков и обусловленным географическим соседством России и Беларуси.

Языковой фактор является доминирующим в становлении межъязыковых различий в лексике как всех четырех языков в целом, так и славянских и германских языков в частности. В лексических подкорпусах славянских и германских языков межъязыковых различий, связанных с языковыми факторами, насчитывается в 1,5 раза больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий. Это свидетельствует о том, что специфичность объективизации чувств беспокойства, тревоги в русской и белорусской, английской и немецкой лексике связана с фоносемантическими и структурными особенностями национальных языков. Вместе с тем когнитивные модели переосмысления чувств беспокойства, тревоги, существующие в сознании народов – носителей славянских и германских языков, являются скорее сходными, чем различными: в лексике русского и белорусского языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 6 раз больше, чем обусловленных тем же фактором межъязыковых различий, а в лексике английского и немецкого языков – в 2 раза больше. При формировании межъязыковых сходств в лексике языковой фактор выступает вторым по значимости. С языковыми факторами связаны $\frac{1}{14}$ межъязыковых сходств в лексике всех четырех языков, $\frac{1}{10}$ межъязыковых сходств в лексике германских языков и $\frac{1}{4}$ межъязыковых сходств в лексике славянских языков. Большая доля межъязыковых сходств, связанных с языковыми факторами, в лексике русского и белорусского языков объясняется наличием значительного количества (78 %) единиц, восходящих к праславянскому, старославянскому и древнерусскому языкам (рус. *страх* ‘1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь’ (OnlineБТС), бел. *спрах* ‘1. Па-чуццё і стан вельмі моцнага спалоху’ (ТСБЛМ, с. 629) ← др.-рус., ст.-слав. *спрахъ* ← праслав. *straxъ (OnlineV); рус. *успокоиться* ‘1. Стать спокойным, подавить свое волнение, тревогу или горячность, возбуждение’ (OnlineБТС), бел. *супакойцца* ‘2. Перастаць турбавацца’ (ТСБЛМ, с. 637) ← др.-рус., ст.-слав. *покои* ← праслав. *prokojъ (OnlineWR); рус. *бояться* ‘1. Испытывать боязнь (о человеке или животном)’ (OnlineБТС), бел. *баяцца* ‘1. Адчуваць страх’ (ТСБЛМ, с. 84) ← ст.-слав. *boiati съ* ← праслав. *bojati se* (OnlineV)). Во фразеологии языковой фактор оказывает наименьшее влияние на формирование межъязыковых сходств или различий как всех четырех языков в целом, так и германских ($\frac{1}{30}$ межъязыковых различий) и славянских (менее $\frac{1}{10}$ межъязыковых сходств и различий) языков в частности. По мнению М. С. Гутовской, во фразеологии нехарактерность межъязыковых сходств, стимулированных языковыми причинами, объясняется устойчивостью фразем к демотивации, а также нетипичностью фразеологических заимствований в иноязычной языковой оболочке (межъязыковое перемещение осуществляется преимущественно путем калькирования) [17, с. 140–142].

Влияние культурного фактора на фразеологический подкорпус оказывается более широким, чем на лексический. Культурный фактор является вторым по значимости детерминантом, обуславливающим межъязыковые сходства и различия во фразеологии как всех четырех языков в целом, так и славянских и германских языков в частности. Как отмечает М. С. Гутовская, большая культурная маркированность фразем, чем лексем, связана с их раздельнооформленностью и наличием значительного количества сем (в том числе культурно-маркированных) в семантике фразеологической единицы [17, с. 140].

Заклучение

Номинативные единицы русского, белорусского, английского и немецкого языков, объективирующие чувства беспокойства, тревоги, имеют как сходные, так и различительные черты. Межъязыковые сходства представлены лексемами и фраземами, совпадающими по форме и содержанию, а межъязыковые различия – номинативными единицами, специфичными в плане материальной (звуковой, графической) оболочки и (или) значения. Как сходства, так и различия в номинативных фондах сопоставляемых языков вызваны языковым, культурным и когнитивным факторами.

Предложенная М. С. Гутовской классификация разноязычных номинативных единиц по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления этих признаков была успешно апробирована. В лексико-фразеологических полях ‘беспокойство, тревога’ русского, белорусского, английского и немецкого языков выделены шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми причинами (совпадают по семантике и материальной оболочке, восходят к общим языковым источникам);
- единицы с культурно обусловленным сходством (имеют подобные черты, вызванные ареально-культурными факторами);
- единицы с когнитивно детерминированным сходством (обладают общностью семантики, проявляющейся в сходстве номинативного замысла – логических схем переосмысления явлений окружающего мира);
- единицы с этноязыковой специфичностью (определяются особенностями национальных языков);
- единицы с этнокультурной специфичностью (отсылают к культуре, быту, истории народа, своеобразию природно-географических условий и др.);
- единицы с этнокогнитивной специфичностью (отражают особенности национального мировидения носителей языков).

В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков общие и различительные черты находятся в соотношении 1 : 1,6, в семантических полях русского и белорусского языков – в соотношении 4,8 : 1, а в семантических полях английского и немецкого языков – в соотношении 1 : 1,3. Преобладание межъязыковых сходств в номинативных фондах русского и белорусского языков объясняется сравнительно более близким генетическим родством этих языков, тесным географическим соседством народов и активными межнациональными контактами между ними. Когнитивный фактор играет ключевую роль при формировании межъязыковых сходств и различий: он обуславливает 35 % межъязыковых сходств и 44 % межъязыковых различий всех четырех языков, 70 % межъязыковых сходств и 11 % межъязыковых различий славянских языков, а также 40 % межъязыковых сходств и 37 % межъязыковых различий германских языков. Вторым по значимости является языковой фактор, третьим – культурный фактор.

Удельный вес общих и различительных черт в лексике и фразеологии, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, всех четырех языков в целом и славянских языков в частности совпадает: в подкорпусах всех четырех языков преобладают межъязыковые различия (62,1 % в лексике и 62,2 % во фразеологии), а в подкорпусах славянских языков – межъязыковые сходства (76,8 % в лексике и 86,5 % во фразеологии). В лексике германских языков наблюдается одинаковое количество межъязыковых сходств и различий, тогда как во фразеологии преобладают межъязыковые различия (58,2 % межъязыковых различий, 41,8 % межъязыковых сходств).

Языковой, культурный и когнитивный факторы становления общих и различительных черт разноязычных номинативных единиц имеют разные статусы в лексике и фразеологии. Под влиянием когнитивного фактора формируется подавляющее большинство межъязыковых сходств в лексике и межъязыковых сходств и различий во фразеологии русского, белорусского, английского и немецкого языков. Вместе с тем количество когнитивно детерминированных межъязыковых сходств в лексике и фразеологии совпадает, а число когнитивно детерминированных межъязыковых различий во фразеологии в 1,6 раза превышает количество обусловленных тем же фактором межъязыковых различий в лексике. Языковой фактор находится на первом месте при формировании лексических межъязыковых различий и на втором месте при формировании лексических межъязыковых сходств. Культурный фактор играет наименьшую роль в становлении лексических межъязыковых сходств, однако во фразеологии, наоборот, культурно обусловленных межъязыковых сходств и различий насчитывается в 5 раз больше, чем межъязыковых сходств и различий, связанных с языковыми факторами. Это объясняется тем, что неоднословность фразем позволяет вместить во фразеологический оборот больше сем, в том числе культурно-маркированных, чем в лексему, а также тем, что фразеологические заимствования в иноязычной языковой оболочке являются крайне редкими.

В результате внутригруппового анализа славянских и германских языков были выявлены следующие закономерности. Во фразеологии славянских языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 7 раз больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий,

что обусловлено тесными межъязыковыми контактами, приводящими к переносу фразем в принимающий язык в виде калек и полукалек, а также сходством когнитивных моделей переосмысления объектов и явлений окружающей действительности в результате общности истории, географического соседства народов – носителей русского и белорусского языков. Сравнительно большая доля сходств, связанных с языковыми факторами, в лексике славянских языков (¼), чем в лексике всех четырех языков в целом (¼) и германских языков в частности (¼), является следствием заимствований (78 %) из праславянского, старославянского и древнерусского языков.

Сокращения

DRW – Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / ed. by W. Scholze-Stubenrecht. 4. Aufl. Berlin : Dudenverlag, 2013. 929 S. ; **LID** – Longman idioms dictionary : over 6000 idioms / ed. by K. Stern, D. Summers. Harlow : Pearson Educ. Ltd., 1998. 398 p. ; **OnlineDW** – Duden Onlinewörterbuch [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Datum der Bewerbung: 01.03.2020) ; **OnlineFD** – The free dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (date of access: 01.03.2020) ; **OnlineL** – Lingvo Live [Electronic resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (date of access: 28.12.2022) ; **OnlineOED** – Oxford English dictionary [Electronic resource]. URL: https://public.oed.com/search/go+Dutch/?post_type=any (date of access: 28.12.2022) ; **OnlineRA** – Redensarten index [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (Datum der Bewerbung: 28.12.2022) ; **OnlineV** – Verbum [Электронны рэсурс]. URL: <https://verbum.by/> (дата звароту: 28.12.2022) ; **OnlineWR** – Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь:Заглавная_страница (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineБТС** – Большой толковый словарь русского языка : А – Я / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.03.2020) ; **OnlineППН** – *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худ. лит., 1989. 2 т. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineСБНП** – Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд. В. М. Макіенка. Мінск : Беларус. навука, 2011. 482 с. [Электронны рэсурс]. URL: <https://slounik.org/paraunanni> (дата звароту: 28.12.2022) ; **OnlineЭСКСВ** – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М. : Локид-пресс, 2003. 877 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. 3-е изд. М. : Астрель, 2008. 878 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineШЭСРЯ** – Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. 7-е изд. М. : Дрофа, 2004. 398 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://etymological.academic.ru> (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineЭФС** – *Лепешаў І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск : БелЭн, 2004. 448 с. [Электронны рэсурс]. URL: https://royallib.com/read/lepsha_van/etimalagchni_slonk_frazealagzma.html# (дата звароту: 28.12.2022) ; **ИЭФС** – *Бирих А. К.* Русская фразеология : ист.-этимол. слов. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. М. : Астрель, 2005. 926 с. ; **СФБМИ** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн, 2008. Т. 1 : А – Л. 672 с. ; **СФБМП** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн, 2008. Т. 2 : М – Я. 704 с. ; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. 2-е выд. Мінск : БелЭн, 2002. 784 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Лосев ЛВ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. 528 с.
2. Аристотель. *Сочинения. Том 2.* Микеладзе ЗН, редактор. Москва: Мысль; 1978. 687 с.
3. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification Française.* Paris: Lottin; 1766. 496 p.
4. Dumarsais C. *Logique et principes de grammaire.* Paris: Briasson & C°; 1769. 700 p.
5. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества.* Михайлов АВ, переводчик. Москва: Наука; 1977. 703 с.
6. фон Гумбольдт В. *Язык и философия культуры.* Гулыш АВ, Рамишвили ГВ, редакторы. Москва: Прогресс; 1985. 451 с.
7. фон Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию.* Рамишвили ГВ, редактор. Москва: Прогресс; 2000. 396 с.
8. Потебня АА. *Эстетика и поэтика.* Иванов ИВ, Колодная ИА, составители. Москва: Искусство; 1976. 614 с.
9. Бодуэн де Куртэнэ ИА. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 2.* Григорьев ВП, Леонтьев АА, составители. Москва: Академия наук СССР; 1963. 384 с.
10. Уорф БЛ. Наука и языкознание. В: Королёв К, составитель. *Языки как образ мира.* Санкт-Петербург: Terra Fantastica; 2003. с. 202–219.
11. Вайсгербер ЙЛ. *Родной язык и формирование духа.* Радченко ОА, переводчик. Москва: Едиториал УРСС; 2004. 229 с.
12. Апресян ЮД. *Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва: Языки русской культуры; 1995. 767 с.
13. Корнилов ОА. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.* Москва: КДУ; 2011. 350 с.
14. Жинкин НИ. *Язык – речь – творчество.* Москва: Лабиринт; 1998. 364 с.
15. Гречко ВА. *Теория языкознания.* Москва: Высшая школа; 2003. 374 с.
16. Яковлева ЕС. Фрагмент русской языковой картины мира времени. *Вопросы языкознания.* 1994;5:73–89.
17. Гutowская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках.* Минск: БГУ; 2019. 399 с.
18. Солодухо ЭМ. *Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп.* Москва: Едиториал УРСС; 2008. 294 с.

References

1. Platon. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collection of works. Volume 2]. Losev LV, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. 528 p. Russian.
2. Aristotel'. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Mikeladze ZN, editor. Moscow: Mysl'; 1978. 687 p. Russian.
3. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification Française*. Paris: Lottin; 1766. 496 p.
4. Dumarsais C. *Logique et principes de grammaire*. Paris: Briasson & C°; 1769. 700 p.
5. Gerder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Nauka; 1977. 703 p. Russian.
6. fon Gumbol'dt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Gulysh AV, Ramishvili GV, editors. Moscow: Progress; 1985. 451 p. Russian.
7. fon Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Ramishvili GV, editor. Moscow: Progress; 2000. 396 p. Russian.
8. Potebnya AA. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Ivan'o IV, Kolodnaya IA, compilers. Moscow: Iskusstvo; 1976. 614 p. Russian.
9. Boduen de Kurtene IA. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 2* [Selected works on general linguistics. Volume 2]. Grigor'ev VP, Leont'ev AA, compilers. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1963. 384 p. Russian.
10. Uorf BL. [Science and linguistics]. In: Korolev K, compiler. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the world]. Saint Petersburg: Terra Fantastica; 2003. p. 202–219. Russian.
11. Vaisgerber IL. *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha* [Native language and the formation of the spirit]. Radchenko OA, translator. Moscow: Editorial URSS; 2004. 229 p. Russian.
12. Apresyan YuD. *Izbrannye trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Volume 2. Integral description of language and system lexicography]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1995. 767 p. Russian.
13. Kornilov OA. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic world pictures as derivatives of national mentalities]. Moscow: KDU; 2011. 350 p. Russian.
14. Zhinkin NI. *Yazyk – rech' – tvorchestvo* [Language, speech, creativity]. Moscow: Labirint; 1998. 364 p. Russian.
15. Grechko VA. *Teoriya yazykoznaniiya* [Theory of linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola; 2003. 374 p. Russian.
16. Yakovleva ES. [A fragment of the Russian language world picture of time]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994;5:73–89. Russian.
17. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metayazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexical-phraseological structure of the metalingual nominative field in the Russian and English languages]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
18. Solodukho EM. *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya: na materiale yazykov slavyanskoi, germanskoi i romanskoi grupp* [The theory of phraseological rapprochement: on the material of the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups]. Moscow: Editorial URSS; 2008. 294 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.03.2023.
Received by editorial board 07.03.2023.